

Ночью при ясном небе я взяла самый большой мех в нашей комнате и взобрался на плоскую скалу на вершине холма, чтобы найти Барсума. Подошла Пижма, мы легли на мех и посмотрели в ночное небо. Как и у Джасума, у этой планеты была одна очень большая луна. Но на этом сходство заканчивалось.

Ни одно из созвездий не было мне знакомо, и это беспокоило меня. Я знала, что мы находимся в северном полушарии этой планеты, поскольку Красный Жрец говорил о замерзших землях на севере. Если бы это был Джасум, звезды должны быть похожи на звезды северного полушария Барсума, поскольку обе планеты вращаются вокруг одной и той же звезды. Если, конечно, я не путешествовал во времени и звезды не сместились. Из путешествий Джона Картера и другого джасумианца, которого я встретил, Улисса Пакстона, я знал, что межпланетная телепортация творит с течением времени странные вещи, которых даже я еще не понимал. Я представил доклады о математической структуре времени в Королевской академии и увидел, что этот вопрос заслуживает более пристального изучения. Но не сейчас.

Когда я посмотрел вверх, я не увидел ни знакомых звезд, ни красной планеты. Я внимательно следил за любым очевидным движением планет и болтал с Пижмой, пока мы смотрели вверх. Она описала созвездия и немного рассказала о мифах, стоящих за ними; у нас есть такие же для наших звезд, как и у людей Джона Картера. Я спросил о движущихся звездах; она смотрела некоторое время и, наконец, указала на голубую. Еще один, на этот раз зеленый, поднимется поздно ночью, объяснила она, и, наконец, белый с приближением утра.

— А красная звезда?

— Красный Странник, — сказала она. «Он не появляется каждую ночь. Он исчезает на время, затем появляется в небе каждую ночь, а затем снова исчезает. Я не знаю, есть ли в этом закономерность или нет, но Красный Странник является частью многих песен и историй».

— Какие истории?

— Это символ, — сказала Пижма. «Иногда любви или секса, иногда войны. Думаю, чаще война. Некоторые из простых людей думают, что Странник влияет на них и заставляет драться или трахаться, Голубой Странник делает их грустными и тому подобное».

Я предпочла бы родом с планеты секса, но не могла отрицать, что Барсума вполне устраивало быть символом войны.

«Кто-нибудь изучал блуждающие звезды как нечто иное, чем символы или оправдания?»

«Некоторые думают, что это другие миры, миры, подобные нашему», — сказала она. «Но большинство ученых людей считают, что мир плоский, что исключает эту теорию».

«Мир не плоский».

— И ты это знаешь, потому что... .. ?»

«Вы когда-нибудь, — спросил я, — взбирались на большую высоту, холм или дерево?»

— Замковая башня?

"Да. Вы могли бы видеть дальше оттуда, чем могли бы видеть с земли?"

"Конечно."

"Потому что?"

"Потому что . . . ты видишь вокруг кривую мира!"

— Точно, — сказал я. — Откуда ты так много знаешь о звездах?

«В детстве я получила дворянское образование. Лорд Уэнт считал, что девочки должны получать такое же образование, как и мальчики».

— Обычно нет?

«Нет, девочек учат шить и готовиться к свадьбе. Мальчиков учат сражаться, а также истории и миру природы».

Это объясняло, почему она говорила не так, как другие женщины в лагере, по крайней мере, когда была со мной. В других случаях она подражала их более грубой речи.

«Девочки и женщины не учатся. . . живой мир?" Похоже, у людей Пижмы не было слова для науки .

— Это принадлежит мастерам, — сказала она, — группе людей, которые держат кабинет в своих руках. Они дают клятву не брать жен и не принимать участия в войне».

— Совсем нет женщин?

«Вообще никаких женщин».

«В моих землях, — сказал я, — и женщины, и мужчины изучают мир природы, но в основном женщины».

— Думаю, твои земли мне бы понравились гораздо больше, чем эти.

— Священник Торос говорил о мастерах. Они не позволяют никому больше изучать мир природы?

«Я никогда не слышала, чтобы они кого-то прямо останавливали, — сказала она. «С другой стороны, я никогда не слышал, чтобы кто-то еще пытался его изучить».

Мое любопытство к этим мастерам росло. Пытались ли они намеренно затормозить науку и развитие?

— Вы встречались с мастерами?

«Ну, я трахал их, что не совсем одно и то же. Они такие же люди, как и все: клянись одно, делай другое.

— Ты сделала это как шлюха?

— Я бы точно не стал трахаться ради забавы.

— Как ты стал шлюхой?

«Ты прямолинеен, я дам тебе это», сказала она, но перевернулась на бок, чтобы посмотреть на меня и улыбнуться, прежде чем снова поднять голову. «Моя мать была шлюхой, а отцом был

Хостер Талли, владыка Речных Земель. Он поместил меня в благородный дом своей жены, и Уэнты воспитывали меня, пока я не стала на пороге женственности. Нет ничего необычного в том, что дворянских детей, включая внебрачных детей, отправляют жить в другие семьи.

«Когда его старшая, истинная дочь должна была быть обручена на большом турнире, проходившем в замке, где я жил, она устроила истерику и настояла на том, чтобы мой отец отослал меня. Она не хотела, чтобы эта маленькая убудочная сучка была там в ее особенный день, чтобы все испортить. Меня отправили обратно к матери».

— Устроил истерику?

«Она очень расстроилась, кричала и швыряла вещи. Она пригрозила, что расскажет всем на турнире, что ее отец, мой отец, был развратником».

«Что такое турнир?»

«Рыцари притворяются, что сражаются ради развлечения друг друга и знатных дам. Обычно это пиршество, музыка и другие развлечения. Это очень важное общественное событие. Даже простые люди могут смотреть и быть накормленными. Это был знаменитый турнир, на котором присутствовали король и большинство высших лордов. Многое из того, что там произошло, сформировало следующие девятнадцать лет».

— Она забрала тебя из семьи, которую ты знал? Я попросил. — Это было жестоко с ее стороны.

"Да, она сделала. Я слышал, что даже будучи взрослой женщиной, она была жестока и с внебрачным сыном своего мужа. И все же ее собственная мать, леди Миниса, всегда была добра ко мне. К тому времени она умерла при родах, иначе мне хотелось бы думать, что она заступилась бы за меня».

— Джендри сказал, что он тоже убудок, — сказал я. "Что это значит?"

«Бастард — это ребенок, родители которого не состояли в браке, но хотя бы один из них был дворянином. У них гораздо более низкое социальное положение, чем у истинно рожденных дворянских детей. Они не носят имени своего отца. Я дворянский бастард, поэтому мое полное имя не Танит Талли, а Танит Риверс, потому что я родился в Речных Землях. Джендри тоже благородный убудок, так что он Джендри Уотерс, потому что родился в землях у моря.

— А гадов не любят?

«Многие городские бедняки — незаконнорожденные, как и крестьяне. Никто не заботится о них и даже не называет их убудками — это предназначено для дворянских детей. Браки среди простых людей редко даже регистрируются, и большинство из них даже не носят фамилий. Но среди знатных классов, включая даже мелких помещиков, бастардов ненавидят. Пятно может сохраняться на протяжении поколений».

Поскольку наше размножение жестко регулируется нашими Советами по разведению, на Барсуме никогда не возникает вопросов об отцовстве, по крайней мере, среди цивилизованных народов. Женщина без мужа может подать заявку на оплодотворение яйцеклетки, но потомство никогда не считается низшим человеком. И даже некоторые супружеские пары будут обращаться за генетически превосходными яйцеклетками или сперматозоидами, а не пытаться получить разрешение на использование своих собственных. Но законы, касающиеся преемственности и наследования, по-видимому, сильно отличаются в Вестеросе от законов Барсума, как и следовало ожидать, учитывая нашу гораздо большую продолжительность

жизни. Меня огорчало, что мои друзья будут страдать из-за таких предполагаемых недостатков.

— Но вы с Джендри такие хорошие люди.

— Это мило с твоей стороны, — сказала она, — но для многих дворян, особенно для знатных женщин, это не имеет значения. Они опасаются, что внебрачные дети займут место их потомства и унаследуют имущество отца. Некоторые опасаются, что они лишат любви отца или мужа истинно рожденного ребенка».

— Незаконнорожденный ребенок не может наследовать?

— Нет, если только король не сделает их законными. Это означает, что они имеют такое же положение, как и праворожденные дети, и берут фамилию своего отца».

— А внебрачного ребенка не любят?

— Часто нет, — сказала она. «Многие отцы просто забывают своих внебрачных детей».

— А твой отец?

— Я не думаю, что он любил меня, — сказала Тензи. «Я думаю, что он чувствовал себя виноватым из-за меня. После того, как меня отправили обратно к матери, он купил публичный дом, где она работала, и отдал его моей матери. Я унаследовал это от нее, когда она умерла».

— Бордель?

«Дом, где живут и работают шлюхи».

— Значит, твой отец сделал тебя шлюхой?

«Можно и так сказать, но это моя мать продала мою девственность, когда увидела, что я становлюсь красивой. Она заставила меня работать; Я не знаю, хотел ли этого мой отец или даже заботился так или иначе. Я была шлюхой с хорошим заработком, благодаря моему отцу, пока существовал публичный дом».

«Девственность?»

«Девушка теряет это в первый раз, когда в нее проникают. Знаешь, когда ты истекаешь кровью. Некоторые мужчины много заплатят, чтобы сломать один из них.

Я не знал, но кивнул, как будто знал.

— Что случилось с борделем?

«Солдаты сожгли его и город, где он стоял. Я считаю, что они сделали это намеренно».

"Почему?"

— Старшая из двух чистокровных дочерей моего отца, та, которая так меня ненавидела, вышла замуж за владыку Севера Неда Старка. Его солдаты сожгли бордель и убили большую часть моих людей. Они изнасиловали меня, но оставили в живых, чтобы я знала, что произошло и кто это сделал. Они сказали, что только выполняли приказы. Я считаю, что это были ее приказы.

«Солдаты всех стран используют это оправдание».

— Возможно, — сказала она. «Но я считаю, что они имели в виду именно это. Это было в том, как они говорили, как они действовали. Они послали мне сообщение от Кейтилин. Вот почему я пришел сюда, когда услышал, что она возглавляет Братство».

"Я не понимаю."

«Я хотел убить эту женщину за то, что она сделала со мной, за то, что ее солдаты сделали с шлюхами, поварами, прачками и конюхами, которые работали на меня».

— Я очень хорошо умею убивать людей, — сказал я. — Я помогу тебе сделать это.

"Не нужно. У тебя уже есть."

Я должен был подумать об этом на мгновение. Я убил здесь много мужчин, но только двух женщин, в том числе ту, которую я ударил кулаком в сердце во время боя, когда впервые прибыл сюда. Хотя другой подходил к ее истории гораздо лучше.

«Я уже убил ее? Каменное Сердце была твоей сестрой?»

«Она была второй дочерью моего отца. Ты моя сестра.»

Она перевернулась и положила голову мне на плечо.

«Теперь у вас есть моя настоящая история. Скоро ты расскажешь мне свою. Твоя настоящая история, а не история о каком-то воображаемом городе на Соториосе».

Хотя мне было нелегко читать мысли Пижмы, я знал, что она ничего не знала о важности сестринских отношений (и братства) среди народов Барсума. Она говорила от всего сердца.

Наша ветвь человеческого вида — я бы пришел к выводу, что мы генетически связаны — размножается, откладывая яйца вне тела. У нас не такие отношения с нашими братьями и сестрами, как у людей Пижмы. Наши сестры по яйцу, как мы их называем, не растут вместе с нами и могут быть на сотни лет старше или моложе.

Вместо этого устанавливаются близкие отношения с нашими сестрами сердца. Сестра (или брат) — это не просто друг или любовник. У нас могут быть и есть длительные отношения; благородный Кантос Кан, например, был моим дорогим другом на протяжении сотен лет, но он не брат моего сердца, и в этом нет ничего необычного. Мы очень редко сближаемся с братьями и сестрами. Я сблизился со своей сестрой Тувией во время нашего годовичного заточения злыми тернами; за тридцать шесть лет до этого была зверски убита моя любимая сестра Каяс. Я все еще скорблю.

Я был единственным представителем своего вида на всей планете и отчаянно одиноким. Я знал, что мне больно от мыслей Тувии, переплетенных с моими собственными, от ее успокаивающего присутствия и даже ее иногда резких суждений. Пижма не могла связать свои мысли с моими, а я даже не мог читать ее, не причиняя ей боли. У нас не было общего прошлого, и я даже не признался в своем внепланетарном происхождении.

Но когда я посмотрел на звезды и почувствовал, как голова Тенси прижалась к моему подбородку, а ее теплое тело прижалось к моему, я понял, что хочу, чтобы эта чужая женщина была моей сестрой. Я буду сражаться, чтобы защитить ее; Я останусь рядом с ней, что бы ни

случилось. И если бы мне пришлось выбирать между Джоном Картером и Тэнси Риверс, у меня вообще не было бы выбора.

Теперь я чувствовал себя более комфортно со своей шпагой и лошадьми, и однажды днем, когда я вошел на тренировочный двор, меня ждал Нед Дейн с предложением. Мы сели на соседние камни. Я слушал, играя с тренировочным мечом, удерживая его вертикально за навершие на тыльной стороне ладони и подбрасывая его в воздух, чтобы поймать.

«Ты лучший боец, которого кто-либо из нас когда-либо видел», — начал он, желая, чтобы я опустил меч. Вместо этого я крутил его.

— С кем ты хочешь, чтобы я сразился? — спросил я, почерпнув его намерения из его мыслей.

— Ты же знаешь, что у нас здесь очень мало еды.

— Это показалось адекватным, — сказал я. — Ты хочешь сказать, что я должен заработать свою долю?

— Я бы не стал возражать, если бы вы захотели, но я не об этом. Я собирался попросить об одолжении. Видите ли, у нас достаточно еды для наших повседневных нужд. Но я просматривал склады после смерти леди Старк. Очевидно, она не планировала будущее».

— Еда закончится?

«Зима приближается», — сказал он, очевидно, это была очень знаменательная фраза, хотя мне она показалась довольно очевидной. — И у нас есть запас на три-четыре лунных хода, заложенный под полым холмом.

Я сделал некоторые расчеты в уме. Эти «луны» будут длиться от 90 до 120 дней. Это казалось трудным, но не настолько, чтобы вызвать беспокойство, которое я чувствовал от Лорда Упавшей Звезды. Я ничего не знал о временах года на этой планете, но их годы казались примерно такой же продолжительности, как и у Грязи, судя по тому, что я уловил из их мыслей и разговоров.

«Значит, вам нужно обеспечить запас еще на 30-60 дней?»

— Нет, — сказал он. «Я слышал, что это будет суровая зима. Мы должны быть готовы остаться под холмом как минимум на пять лет».

"Пять лет?" — спросил я, глубоко удивленный. — Чтобы провести здесь?

«Обычно люди идут в трюды, подготовленные их лордами, укрепленные места с запасами еды и топлива за надежными стенами. У здешних людей нет лордов, и они будут убиты, если попытаются проникнуть в один из замков или крепостей Ланнистеров.

«Я не могу поверить, что зима здесь длится годами».

Заявление было откровенно смехотворным. На сухом Барсуме еды не хватило бы и на пять лет, а в этом влажном климате и того меньше. Я не считал вероятным, что они обладали каким-то самодельным методом сохранения биологических объектов, о которых наука Гелиума ничего не знала. И даже если бы они могли прокормить себя, они бы выкосили огромные участки окрестных лесов на дрова, чтобы согреться.

Может быть, они могли поставить себя в какое-то подвешенное состояние, в котором не нуждались ни в еде, ни в тепле? Некоторые растения и животные Барсума могут делать это, ожидая возвращения воды в окружающую среду. Но если бы это было правдой, то они не нуждались бы в таких огромных запасах продовольствия, потребность, которая подразумевала, что люди оставались бодрствующими и активными.

— В Дорне, на моей родине, их нет; Становится прохладнее, но у нас еще есть урожай. Я предполагаю, что ваша земля находится еще южнее, и у вас нет проблем. Но здесь все по-другому. Если мы не обеспечим этих людей едой, они умрут с голоду».

— Что вы предлагаете делать?

«Перехватить колонну фургонов Ланнистеров, — сказал он, — груженных зерном».

— Ты знаешь, где его найти?

— Они регулярно бегают на юг, — сказал Нед. — Ланнистеры опустошают Речные земли, чтобы запастись Королевской Гаванью на зиму. Вчера пришел фермер со своей семьей, Ланнистеры забрали все его зерно. Они погрузили его в вагоны, направлявшиеся на юг.

«Конвои охраняются».

"Да."

"Как много?"

— В этом конвое? он спросил. Я кивнул. «От шести до десяти фургонов, по вознице на каждой, от трех до четырех конных караулов».

Учитывая размер Королевской Гавани, описанный Торосом, потребуется более 20 000 таких обозов, чтобы прокормить город в течение пяти лет. Опять же, мне это казалось маловероятным, но Нед явно верил, что это правда. Я вернулся к теме.

— Кажется, у тебя уже достаточно бойцов.

«Никто из тех, кто может противостоять вооруженным силам Ланнистеров», — сказал он. «Они были у нас однажды; большинство уже мертвы».

Из того, что я видел бойцов на тренировках, я знал, что он прав.

— Они доверяют вам, — продолжал он. — Они будут охотнее сражаться, если узнают, что ты с нами.

«Вы не такая уж революционная армия, если вам нужен посторонний, чтобы сражаться за вас».

— Я не знаю, кто мы такие, — признал Нед. «Изгой? Повстанцы? Потерянные и забытые? Но я знаю, что нам нужно больше еды».

Я думал об этом в последнюю очередь.

— Водители фургонов тоже дерутся?

— Нет, — сказал он. «Это фермеры, вынужденные служить и обычно очень не желающие».

— Значит, они присоединятся к нам?

"Я не знаю. Но они, вероятно, не стали бы воевать с нами."

— Я буду сражаться с Ланнистерами за тебя.

"Спасибо."

— Есть условия, — сказал я. — У вас должен быть план атаки, и я его одобрю. Вы должны собрать больше информации и точно знать, где и когда произойдет это нападение. Вы должны иметь разведывательные отчеты о месте нападения и держать его под наблюдением, чтобы мы сами не были застигнуты врасплох.

— Мы не делали ничего подобного с тех пор, как лорд Берик был убит. Первый раз."

— Планирование спасает жизни, — сказал я. «Я свою тупо не выброшу. И вы не должны.

"Я знал это. Я просто забыл. Еще раз спасибо».

— Я настоящая принцесса, Нед. Меня учили руководить, как и тебя. Ты не можешь позволить себе снова забыть».

«Я не буду».

Даже при правильном планировании это будет не более чем мелкий бандитизм, который вряд ли улучшит перспективы для людей, живущих под холмом. Всего за несколько дней я превратилась из принцессы в преступника. Тем не менее, я должен был зарабатывать себе на жизнь, а что еще я мог предложить? Я убил несколько оленей и научил их фехтованию. Этого было достаточно? Я бы не позволил Тэнси вернуться к блюду, как и сам. Предполагая, что любой мужчина заплатит за женщину, с которой он не может соединиться.

Пижма не одобрила эту идею, когда я рассказал ей об этом.

«Вы можете пораниться. Убит. Ни за что.

«Я очень хорошо умею убивать людей».

— Что не мешает тебе самому быть убитым.

«Эти люди приняли меня».

«Потому что они вас боятся, — сказала она, — поэтому они вас и кормят. Они меня не боятся, поэтому трахают меня».

«Такого больше никогда не повторится».

— Будет, если с тобой что-нибудь случится.

-- Это все, что я должен им отплатить, -- сказал я, став непомерно упрямым. — Я сделаю, как обещал.

— Тогда я пойду с тобой. Я не останусь здесь, чтобы меня снова трахнули, если ты не вернешься.

Я согласился. По правде говоря, я беспокоился о том, что будет с ней, если я оставлю свою новую сестру одну в лагере.

Мы провели беспокойную ночь, закутавшись в ящик с мехами; Я знал, что Тензи была недовольна моим решением. Утром я надел тунику с волчьей головой и леггинсы и перекинул меч через плечо. Я вышел к загону для лошадей с Пижмой; мы молчали, садясь верхом и выезжая на поляну, и ничего не говорили во время упражнений или купания.

— Дежа, — наконец сказала Тензи, готовясь сесть на лошадь. Я подошел к ней и встал перед ней.

— Дея, — повторила она. "Боюсь. Для тебя. Для меня, если с тобой что-нибудь случится.

«У вас будут деньги. Покиньте это место и никогда не возвращайтесь».

— Но я был бы один. Опять таки."

— Мы теперь сестры, — сказал я. «Я никогда не брошу тебя. Пойдем, вернемся».

Она молча посмотрела на меня, явно не зная, как реагировать.

«Я выбрал тебя своей сестрой, как и ты выбрала меня. Среди моего народа мы не используем слова «брат» и «сестра» легкомысленно. Это означает, что мы связаны друг с другом на всю оставшуюся жизнь. Это было вашим намерением?»

— Нет, — сказала она, сбита с толку. "Я имею ввиду да. Нет и да. Нет, я не знал, что это будет иметь для тебя такое значение. Но да, это то, чего я хочу».

— Тогда я никогда не оставлю тебя. Когда я покину это место, ты пойдешь со мной».

Она молча кивнула. Я подозвал кобылу к себе и теперь вскочил ей на спину; если бы мне предстояло ездить на большие расстояния, мне понадобилось бы седло.

Мы нашли Лорда Упавшей Звезды, сидящего в одиночестве на большом камне перед огнем и жарящего что-то на сковороде. Я взяла камень рядом с ним и скрестила ноги под собой. Тэнси сделала то же самое с противоположной стороны от него. Он поделился с нами этим «беконом» — тонкими полосками вяленого мяса животного, известного как свинья. Я видел свиней, содержащихся в загонах в лесу неподалёку; отвратительные существа, от которых явно не было никакой пользы, кроме поедания лагерного мусора, что они и делали с энтузиазмом. Я понятия не имел об их истинной ценности. Барсуму нечего соперничать с беконом: вкус, хруст, маслянистая текстура. Я не верю ни в каких богов, но существование бекона заставляет меня усомниться в этом неверии.

Некоторое время мы сидели в товарищеском молчании и ели сало. Это остается одним из самых любимых моментов в моей жизни. Мы все еще делились беконом, когда к нам подошли двое конных охранников с всадником между ними. На голове мужчины был мешок. Нам сказали, что его нашли блуждающим по близлежащим дорогам, взывающим к Братству, утверждая, что у него есть сообщение для доставки.

Мы стояли. Лорд Упавшей Звезды кивнул, и один из стражников снял мешок. Всадник покачал головой, а затем медленно вытащил из-под одежды кусок шкуры животного, которую эти люди используют для написания слов, стараясь не принять его за оружие. Он начал читать оттуда.

За цветистым языком было трудно уследить, а мысли всадника совсем не помогали; он не писал сообщения и ничего не знал о его содержании, пока не развернул его, чтобы прочитать. Без помощи телепатии я обнаружил, что менее подготовлен к обращению с этим языком, чем предполагал. Озадаченный, я повернулся к Лорду Упавшей Звезды.

«Я совершенно ничего не понимаю в том, что требует этот посланник. Пожалуйста, объясни.»

«Он представляет второстепенного лидера, известного как Могучая Свинья».

"Действительно?" Я подняла свой кусок бекона. — Могучая свинья?

Он посмотрел на меня в некотором замешательстве. Я прочитала концепцию в его мыслях, но, сбившись с толку декламацией посланника, ошибся в точной формулировке. Я упустила серьезный намек на то, что могу читать мысли, но я знала, что лучше не привлекать внимание к своей ошибке. Принцесса должна постоянно контролировать себя.

— Это не те слова, — наконец сказал Нед. «Он известен как Сильный Кабан . Сильный значит, ну, сильный. Я кивнул. «А кабан — опасный и крупный самец свиньи, живущий в дикой природе. Дворяне охотятся на них ради забавы, но самые крупные и сильные легко убьют человека. Один из них даже убил бывшего короля. Они сражаются, не заботясь о собственной безопасности».

«Значит, он могущественный воин. Название не шутка».

— Верно, — сказал Нед. «Но мне нравится идея называть его Могучей свиньей. Это разозлит его».

— Что еще говорится в сообщении?

— Он считает, что нас ведет великий, но пожилой воин, известный как Черная Рыба.

«Все ваши лидеры, — спросила я, — выбирают такие странные имена?»

«Это длинная история, связанная с символом его дома. Черная Рыба пробыла здесь недолго, но никогда не была частью Братства и давно ушла. Сильный Кабан бросает вызов Черной Рыбе, чтобы сразиться с ним в том, что мы называем единоборством».

— Мы это тоже знаем, — сказала я. — А что выйдет из единоборства?

«На самом деле ничего. Но сторона, чей чемпион убит, потеряет часть своего желания сражаться, а сторона победителя станет более рвущейся к битве. Для бойца это также способ прославиться».

— Бой насмерть?

— Да, — сказал Нед. «Боец может сдаться и стать заключенным, но это произойдет только тогда, когда его друзья и семья заплатят деньги за его освобождение. Обе стороны знают, что здесь этого не произойдет».

— Я понимаю, — сказала я. «Я буду сражаться с Могучей свиньей».

Тэнси выглядела несчастной, но ничего не сказала.

— Тебе не обязательно, — сказал Нед. «Говорят, что он один из самых сильных и свирепых

бойцов на этом континенте. По крайней мере, среди тех, кто еще жив.

«Я такой же сильный и свирепый. И я чувствую себя обязанной. У вас нет другого бойца, чьи навыки могли бы сравниться с моими».

Лорд Упавшей Звезды кивнул.

«Если меня убьют, — сказала я, — вы будете заботиться о Тензи, как если бы она была вашей родной сестрой, независимо от ее происхождения или прежнего занятия. Ты защитишь ее ценой своей жизни, как и я.

Он взял обе руки Тензи в свои.

— Клянусь, какой бы честью ни осталась мне. Звездопад будет твоим домом столько, сколько ты захочешь.

Она кивнула; Я мог сказать, что она старалась не плакать. Нед повернулся ко мне.

— Мы дадим Крейкхоллу твой ответ, — сказал Нед, — но он может отказаться драться с женщиной.

«Тогда мы скажем и нашим бойцам, и его, что он побоялся драться с женщиной, и получим большую часть той же выгоды, как если бы он действительно потерпел поражение».

— Ты уже делала это раньше.

— Не совсем так, — ответила я. — Но это не первое мое родео.

Он тупо посмотрел на меня, не узнавая одну из любимых фраз Джона Картера.

«Это означает, что да, я делала подобные вещи».

Мы отправили гонца обратно к его господину, назвав меня чемпионом Братства и указав время, место и оружие по моему выбору. Посланник записал наш ответ, но проявил личное равнодушие к деталям; его мало интересовали ссоры его хозяев. Его мысли показали, что он был выбран для этой обязанности, потому что он был одним из немногих в их небольшом отряде, кто умел читать и писать. Мы оба могли бы упасть замертво, и ему было бы все равно.

Мысли Неда обратились к чувству вины, как только охранники Братства взяли гонца, чтобы освободить его подальше от лагеря. Он был впечатлен моей быстротой, но знал, что многие бойцы, которые произвели впечатление на тренировочном дворе, легко умирают на поле боя. То же самое и на Барсуме. Многие считали Могучую Свинью самым сильным воином Вестероса с точки зрения грубой физической силы, и Нед боялся, что он привел меня к смерти.

У меня не было никаких сомнений; Я редко делаю в таких обстоятельствах. Нельзя выжить как принцесса Гелия, не научившись сражаться. Я действительно много раз сталкивался с врагами в единоборствах. Стандартной политикой Гелиума является то, что наши командиры бросают вызов лидерам повстанцев, демонстрируя превосходство правящей семьи над ее соперниками. Осужденные за определенные преступления против государства или личности джеддака имеют древнее право требовать судебного разбирательства поединком, и меня, как единственную внучку Тардоса Морса, часто призывали представлять мою семью, обычно против других женщин. Это закончилось, когда Джон Картер стал моим супругом и настоял на том, чтобы служить защитником джеддака.

Незадолго до того, как я вышла замуж за Джона Картера, отвратительный Саб Тан взял меня в плен в надежде на принудительный брак и заставил сразиться со своей бывшей невестой на арене Зоданга. Я никогда не говорила Джону Картеру, что убил принцессу; Я не хотела никого убивать ради извращенного удовольствия Саба Тана. Она была избалована и избалована, у нее было мало навыков на арене, и она не могла сравниться со мной. Принцесса была прекрасна, как и все королевские женщины Барсума, но ее жизнь была обречена в тот момент, когда она ступила на пески арены, и она знала это. Но она была полна решимости покончить со мной, поэтому я вонзил свой меч в ее сердце под аплодисменты тысяч людей. Я знала, что они зарычали бы еще громче, если бы вместо этого ее меч вонзился мне в грудь.

<http://tl.rulate.ru/book/82171/2556365>